

Сергей Есенин

«Спаса
кроткого
печаль...»

Избранная
православная
лирика

Сергей Есенин

«Спаса кроткого печаль...»

Избранная православная лирика

«ЛИРА»

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=Р)6-5

Есенин С. А.

«Спаса кроткого печаль...» Избранная православная лирика /
С. А. Есенин — «ЛИРА»,

ISBN 978-5-6049588-6-5

Сборник избранной православной лирики Сергея Есенина. В книгу вошли произведения, объединённые темой любви и веры. Захар Прилепин написал предисловие и подробный комментарий к выбранным стихотворениям.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2=Р)6-5

ISBN 978-5-6049588-6-5

© Есенин С. А.

© ЛИРА

Содержание

«Чую радуницу божью...»: Есенин как религиозный поэт	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Есенин

«Спаса кроткого печаль...»

Избранная православная лирика

Составитель, редактор, автор предисловия Захар Прилепин.

Комментарии: Захар Прилепин, Алексей Колобродов, Олег Демидов.

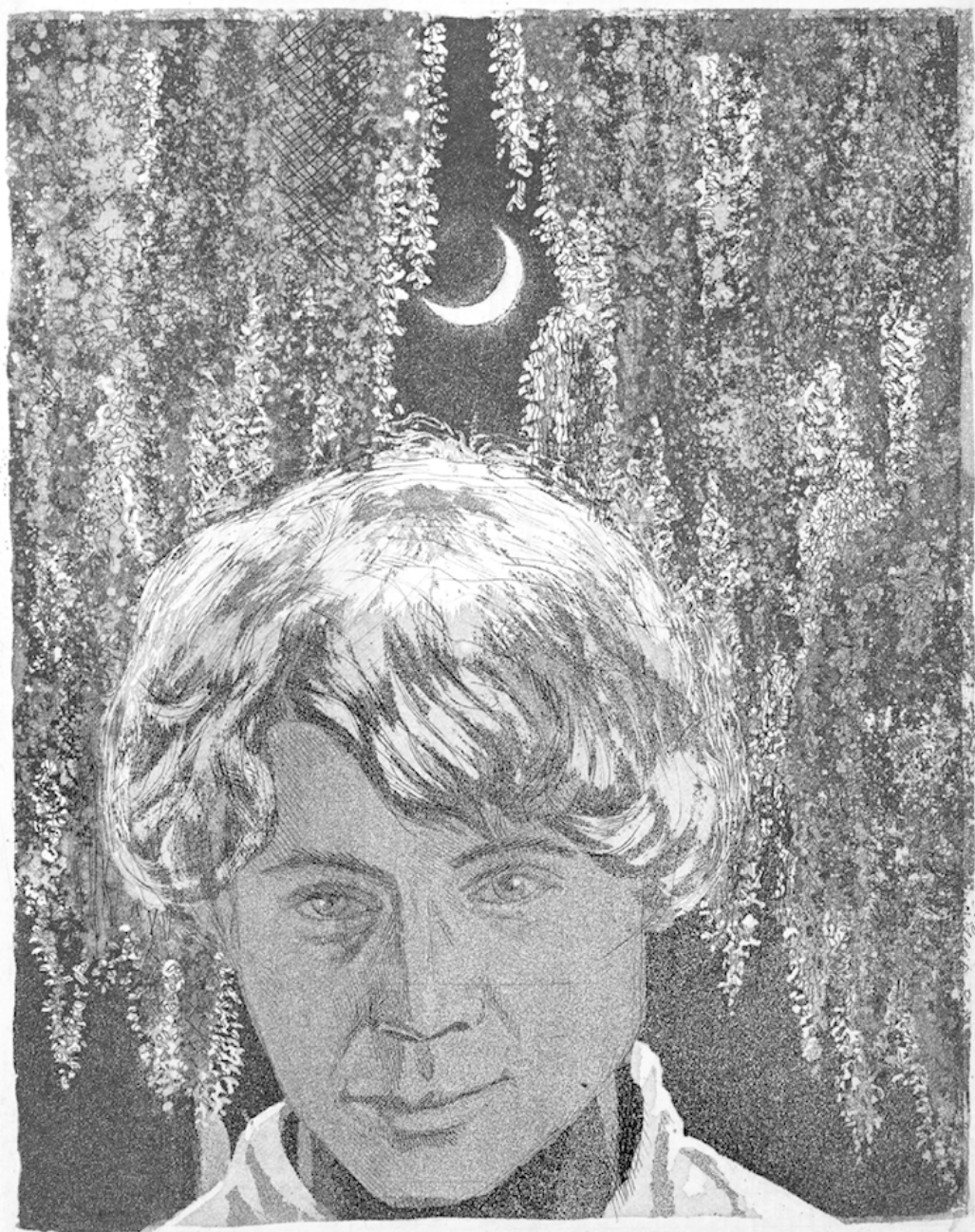
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© ООО "Лири", 2025

© Алексей Колобродов, Захар Прилепин, составление, 2023

* * *

Пименов В.С. Портрет Сергея Есенина

«Чую радуницу божью...»: Есенин как религиозный поэт

В автобиографии 1924 года Сергей Есенин пишет: «Первые мои воспоминания относятся к тому времени, когда мне было три-четыре года.

Помню лес, большая канавистая дорога. Бабушка идёт в Радовецкий монастырь, который от нас верстах в 40. Я, ухватившись за её палку, еле волочу от усталости ноги, а бабушка всё приговаривает: “Иди, иди, ягодка, Бог счастье даст”.

Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по сёлам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколе и о женихе, светлом госте из града неведомого...

Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и священную историю».

Мы совсем не преувеличим, если скажем очевидное: православие – основа есенинского мировоззрения.

Библия формировала не просто его представления о бытии – это вообще были первые его знания о мире. Дед по материнской линии Фёдор Андреевич Титов читал – внук внимал.

Так строился есенинский мир, где есть Создатель, его пророки и апостолы, где есть рай и ад.

Это был каркас есенинского сознания; позже всё остальное прирастало на него.

Более того: с поэзией Есенин впервые ознакомился в духовном её изводе, а не в светском – через песни слепцов, которых привечала бабушка по отцовской линии Аграфена Панкратьевна. Сёстры Есенина вспоминали, что она была богомольна «до фанатичности».

Есенин, едва выйдя из младенчества, пристрастился к стихотворному слову, узнав его в двух ипостасях: сначала – духовные стихи, а затем уже – народные песни, которые пела ему мать, а также частушки и потешки, слышимые на улице. Пушкин, Кольцов, Никитин – всё это пришло позже.

Есенин рос не просто в религиозной среде. Всё детство его было пропитано этим на уровне быта.

Есенинская семья фактически не занималась крестьянским трудом – они жили по большей части на деньги, которые присылал из Москвы отец Есенина Александр Никитич, служивший там приказчиком.

В том числе поэтому обрядовая сторона веры в есенинском детстве соблюдалась неукоснительно: так в ребёнке, чтоб он не отбил от рук, воспитывали ответственность и обязательность. В автобиографии 1922 года Есенин сухо сообщает: «По воскресеньям меня всегда посылали к обедне».

Ретроспективно, уже из советских времён, пытаясь выправить слишком религиозное своё взросление, в автобиографии 1923 года Есенин напишет о детстве: «В Бога верил мало».

Он лукавил.

Что значит «мало»? Всё-таки верил, но только чуточку?

Есенину не хватило духа сказать «не верил» – он знал, что в таком случае скажет неправду.

Правда же была в том, что верил он – неистово.

О чём лучше всего говорят его собственные стихи.

* * *

В 1924 году, готовя первый том собрания сочинений, Есенин перечитал написанное им и сам удивился, что он – религиозный поэт.

Пришлось в предисловии объясняться: «Отрицать я в себе этого этапа не могу так же, как и всё человечество не может смыть периоды двух тысяч лет христианской культуры...» Он предлагал воспринимать свои религиозные стихи как «сказочные» – и, конечно, здесь снова лукавил.

Даже критика отлично это понимала. И советская, и эмигрантская.

Поэт и журналист протоиерей Александр Туринцев в статье «Поэзия современной России», опубликованной в Праге в журнале «Своими путями» (1925), писал: «Нет, сколько бы ни извинялся Есенин... за “самый щекотливый этап” свой – религиозность, сколько бы ни просил читателя “относиться ко всем моим Иисусам, Божьим Матерям и Миколам как к сказочному в поэзии”, для нас ясно: весь религиозный строй души его к куцему позитивизму сведён быть не может... По-прежнему взыскует он нездешних “неведомых пределов”. Неизменна его религиозная устремлённость, порыв к Божеству, меняется лишь внутреннее освещение...»

На свой лад ему вторил оголтелый советский критик Георгий Покровский в книге «Есенин – есенинщина – религия» (1926): «...религиозные настроения красной (вернее, чёрной) нитью проходят через всё его творчество. Распустившись махровым цветком в питательной среде петербургского мистицизма, они видоизменяются применительно к условиям революционного момента, загоняются внутрь, приглушаются в период бурной реакции хулиганского периода и оживают в туманной, мистической форме последнего, упадочного периода. Прodelать такую эволюцию и сохраниться в условиях революционной ломки, когда очень и очень многие переоценили свои бывшие ценности и, в частности, религиозные, они могли только в том случае, если они были не привходящие, не наносные, а глубоко коренились во всей его психике, вскормленной древней народной религиозностью...»

Всё, как не странно, именно так: «глубоко коренились в психике» и были вскормлены «народной религиозностью».

Удивительно, но в есенинском наследии по количеству наименований даже лирический, обращённый к женщине Есенин, которого особенно знает и помнит читатель, как ни удивительно, проигрывает Есенину – христианскому поэту. Христианских стихов у него больше, чем любовных, в разы!

При должном внимании выясняется: Есенин – автор внушительного религиозного наследия.

Странно, что до сих пор не было отдельного издания христианской лирики Есенина. Сочинителей, внёсших такой огромный вклад в христианскую поэзию, в русской литературе – по пальцам сосчитать. А сочинителей уровня Есенина – и того меньше.

* * *

В 1909 году Есенин поступил в церковно-приходскую школу и в 1912-м окончил её. Никакой ностальгии о годах обучения Есенин не испытывал, скорее напротив, однако школа окончательно упорядочила его знания об истории и сути христианства.

Знания эти Есенин будет самым неожиданным образом проявлять в течении всей своей поэтической жизни.

Религиозную поэтику Есенина можно разделить на несколько, сразу оговоримся, условных этапов. Условных, потому что внутри каждого этапа уже вызревает следующий.

Первый (1910–1914) условно можно обозначить как «праздничное христианство».

Религиозность начального этапа есенинского творчества словно бы гласит: русские – православные по природе. Более того, сама русская природа преисполнена православным чувством.

Русские на поля смотрят, как богомольцы на икону.

Это не совсем пантеизм, в чём пытался убедить Есенина его юношеский приятель, поэт Леонид Каннегисер. Это органичная уверенность, что Бог здесь, Бог – везде.

Раннее есенинское поэтическое православие почти всегда бессюжетно и созерцательно.

Задымился вечер, дремлет кот на брус.

Кто-то помолился: «Господи Иисусе».

.....

Закадили дымом под росой рощи...

В сердце почивают тишина и мощи.

Православное сознание для него в то время обыденно, как дыхание.

Проникновенная, тёплая, сердечная религиозность.

Пахнущая простором, полем, хлебом. Трудом и богомольной дорогой русского человека, наконец.

В том, что, если случится пришествие Спаса, русский человек Его опознает, Есенин нисколько не сомневался.

Вспомним стихи «Шёл Господь пытаться людей в Любви...» (1914), где даже нищий, встретившийся Ему на пути, делится с Ним краюхой.

Более того, Господа опознаёт и жалеет даже русская природа:

...Схимник-ветер шагом осторожным

Мнёт листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту

Язвы красные незримому Христу.

И, разглядев Его, наша природа ликует:

...Прошлогодний лист в овраге

Средь кустов, как ворох меди.

Кто-то в солнечной сермяге

На ослёнке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,

Но лицо его туманно.

Никнут сосны, никнут ели

И кричат ему: «Осанна!»

Если и был Есенин счастлив по-настоящему, то в те дни, когда открылся его дар, а он ещё не придумал, что с ним делать. Дар ещё не висел на слабом человеке страшным грузом, а только обещал полёт и радость.

Чую Радуницу Божью —

Не напрасно я живу...

Он знал, кому обязан даром – Ему.

Он только боялся, что не сумеет отблагодарить. О чём прямо пишет в стихотворении 1914 года:

...И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.
И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас.

Так заявляется тема страшнейшей Есенина богооставленности: «...может быть, пройду я мимо».

* * *

Постепенно в стихи Есенина приходит тема монашества. У инока меньше вероятность пропустить «тайный час».

Город, куда он является из своей рязанской деревни, где всё было пронизано Богом, всё больше пугает его.

В 1915 году Есенин пишет страшное стихотворение, которое так и называлось – «Город»:

Как муравьи кишели люди
Из щелей выдолбленных глыб,
И, схилясь, двигались их груди,
Что чешуя скорузных рыб.
В моей душе так было гулко
В пелёнках камня и кремней.
На каждой ленте переулка
Стонал коровий рёв теней.

Даже ужас города Есенин описывал через «крестьянский» образ: городские тени у него режут, как коровы – голодные, измученные жаждой, тоскующие или ведомые на убой.

Но здесь особенно важно заметить, кем себя в городе видел двадцатилетний Есенин. Он пишет:

Бродил я в каменной пещере,
Как искушаемый монах.

Это вовсе не случайное определение.

В 1916 году на пороге своей огромной славы Есенин, словно бы предощущая горький свой конец, пытается избежать его и думает уйти в монастырь – спастись.

В есенинском стремлении к монашеству можно увидеть что-то поэтическое, в какой-то степени даже игровое – но это будет ошибкой.

В конце концов, мы ведь знаем конец его пути. Даже внешне словно бы играя в «стихи», в «поэтическую позу», Есенин, как никто другой, знал, сколь серьёзны его ставки. Сколь абсолютны они!

Можно вообразить себе Есенина монахом, равно как, скажем, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Гаршина, даже Льва Толстого. В этом есть какой-то важный признак русской литературы: её внутренняя сдержанность, обращённость к потустороннему, способность к преодолению человеческого, молитвенная собранность.

...Не за песни весны над равниною
Дорога мне зелёная ширь —
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь... —

пишет Есенин в 1916 году в стихотворении «За горами, за жёлтыми долами...» И это второй религиозный период в поэзии Есенина (1914–1916), который мы условно определим как монашеский.

Он более трагичный – на нём, конечно же, сказывается и начавшаяся мировая война, и тяжелейшие предчувствия, явленные, скажем, в стихах, посвящённых царевнам – дочерям государя, которым Есенину выпала возможность читать свои стихи.

Всё ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладёт печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу, —

написал Есенин в 1916 году, и можно лишь болезненно поразиться мощи его провидческого дара.

Куда, как не в монастырь, бежать от грядущих дней?

Тема монашества кочует из стихотворения в стихотворение и обрывается в 1917 году.

* * *

В стихотворении «Покраснела рябина» Есенин с неожиданным восхищением пророчествует о скорых переменах:

...Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя Спас.
Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.
Дня закатного жертва
Искупила весь грех.
Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег...

Так начинается новый этап (1917–1919), который мы определим как «старообрядческий космизм».

Есенинские ощущения той поры почти музыкальные. Приходят к человеку в состоянии полузабытья – и звучат:

Колокольчик среброзвонный,
Ты поёшь? Иль сердцу снится?
Свет от розовой иконы

На золотых моих ресницах.
Пусть не тот я нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелесе...

Вновь возникает русский перелесок как синоним рая. Казалось бы, написавший эти стихи уже много согрешил в сознании своём («не тот я нежный отрок»), а кроток только во сне; но что-то, звучащее не отсюда, обещает ему иную радость.

И – радость грянула.
В стихах 1917 года он пишет:

Тучи с ожерёба
Ржут, как сто кобыл,
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.
Небо словно вымя,
Звёзды как сосцы.
Пухнет Божье имя
В животе овцы.
Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый над туманом
Вспыхнет Назарет...

Есенину безусловно нравится всё происходящее. Он видит себя пророком иной России. Но – христианским пророком.

Одному своему товарищу Есенин как-то признался: «Школу я кончал церковно-приходскую, и там нас Библией, как кашей, кормили. И какая прекрасная книжица, если её глазами поэта прочесть! Было мне лет 12, и я всё думал: вот бы стать пророком и говорить такие слова, чтобы... за душу брало. Я из Исайи целые страницы наизусть знал...»

...И мыслил и читал я
По Библии ветров,
И пас со мной Исайя
Моих золотых коров.

Книга пророка Исайи воистину поэтична и яростна – это один из самых жёстких в обличении пророков. Но Есенин верил, что даже с ним он в состоянии был бы найти общий пророческий язык – по одному же лужку гуляем.

Цикл религиозных поэм Есенина о революции выказывает безусловную осведомлённость Есенина в молебных песнопениях, в жанрах гимнографической поэзии – таких как тропарь, канон, псалом, акафист.

Происходящее он воспринял как Божественное откровение.

...О, я верю – знать, за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.

Он пишет «Октоих» – «маленькую поэму» о революции случившейся и грядущей. Зачин её являет во всей полноте настроение Есенина той поры:

О родина, счастливый
И неисходный час!
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз...

Не менее поразителен финал поэмы:

...Вострубят Божьи клики
Огнём и бурей труб,
И облак желтоклыкий
Прокусит млечный пуп.
И вывалится чрево
Испепелить бразды...
Но тот, кто мыслил Девой,
Взойдёт в корабль звезды.

В последней строке Есенин говорит о Фаворском свете, знаменующем обетование грядущих человеческих судеб. Свет этот на иконах «Преображение Господне» почти всегда изображается как звезда над Спасителем.

Но здесь различимо ещё и пророчество о выходе человека в космос: млечный пуп прокусят и сядут в корабль – благословясь при этом именем Пречистой Девы.

Как мы теперь знаем, этот юноша двадцати одного года от роду в очередной раз вовсе не ошибался. Удивительная, с прекрасными коровьими глазами, родина всё-таки выкатит в космос свой корабль.

«Созвездий светит пыль / На наших волосах...» – можно подумать, что это откуда-то из ещё не написанных тогда фантастических повестей о первопроходцах, штурмующих космос.

А это – есенинский «Октоих».

Вослед за этой поэмой идут очередные есенинские религиозные творения, чьи названия уже говорят сами за себя: «Пришествие» (октябрь 1917-го) и «Преображение» (ноябрь 1917-го). Есенин верит, что случившееся социальное обновление имеет огромное, безусловно религиозное значение. В Россию нисходит Христос – и преображает её.

Есенин просит: «Господи, отелись!» – и значение этих слов стоит понять: он просит Господа снова воплотиться, получить новое земное тело – о-тел-иться.

Одновременно в есенинской поэтике возникает важная тема, которую мы не вправе обойти.

Это старообрядчество.

3 января 1918 года Есенин весь вечер проводит в гостях у поэта Александра Блока. По итогам встречи Блок запишет – посчитает важным! – что говорил ему гость.

Судя по блоковской записной книжке, Есенин осмысленно вводит Блока в заблуждение, заявив о себе, что он происходит «из богатой старообряд[че]ской крестьянской семьи».

Зачем Есенину понадобилась мифическая старообрядческая семья – а значит, и весь род, уходящий в староверство?

Тема эта вовсе не случайна.

Основания у есенинского желания быть наследником староверов куда более глубокие, чем может показаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.